

Разве можно так проголодаться по мясу, чтобы аж голова седела? Что за глупости!

Окружающие, которые уже начали рисовать в воображении романтическую легенду, были грубо возвращены Цзи Шуаньюем в реальность. Мало того, что это их разочаровало, так они еще и отказывались в такое верить.

Правда, Цзян Саньцзинь неуверенно заметил, что ни о какой возлюбленной Цзи Шуаньюя не слышал — хотя парень и хорош собой, но на его шее четверо иждивенцев, так что даже девушки из их переулка могли лишь молча сочувствовать его бедам.

Родители Цзи Шуаньюя скончались уже несколько лет назад. Ни любовные страсти, ни сыновняя почтительность тут явно были ни при чем.

Неужели... он и правда так сильно проголодался?

Взгляд Цзян Саньцзиня изменился. Если присмотреться, в нем промелькнуло нечто похожее на... уважение?

Как бы это сказать: голод по мясу звучит не очень презентабельно, даже жалко, но дойти до такого состояния — это невольно вызывает... трепет!

Даже Сюй Синьюэ не удержался и поднял большой палец вверх. Неудивительно, что Цзи Шуаньюй так смело предложил свою кандидатуру: видать, совсем прижало от голода.

Заметив этот жест, Цзи Шуаньюй перевел взгляд на комнату Сюй Синьюэ, вспомнив о той коробке со сладостями.

Раз уж хозяин ко мне благоволит, может быть...

Сюй Синьюэ, словно прочитав его мысли, поспешно выплеснул остатки чая из термоса на пол, всем своим видом показывая, что пора уходить: Бедное дитя, только получил деньги, иди скорее купи мяса и поешь!

Цзи Шуаньюй: ...

Ну как можно строить из себя такого щедрого? Босс, вы же выдали два мешочка с медяками, а не с золотом!

Впрочем, Сюй Синьюэ был прав: Цзи Шуаньюю действительно пора было идти за едой.

Снаружи завывал северный ветер. Продавец бататов на обочине время от времени

переворачивал товар на лотке, а если находился покупатель, обметал пыль с клубней маленькой метелкой. Хоть торговля и мелкая, а смотреть на это приятно.

Раньше Цзи Шуаньюй за целый день работы зарабатывал лишь на еду, и денег отложить не удавалось. А так как ртов было пять, питались они в основном бататами или пустой лапшой — просто лапша с парой капель соевого соуса и уксуса, на жареный соус или подливу денег не было!

Раз-другой потерпеть можно, но если есть такое постоянно, хочется плакать.

Теперь же, даже не взглянув на дымящиеся бататы, он прямиком направился в закусочную. Одолжив у них посуду, купил целую глубокую миску супа из баранины и два пампушки из злаков. По пути, проходя мимо кондитерской, потратил еще десять медяков на пакетик хвороста.

Сюй Синьюэ выдал два мешочка с медяками достоинством по десять вэней за монету — всего триста штук, что примерно равнялось двум юаням.

Суп, пампушки и хворост обошлись в тридцать пять монет.

Угля на пару дней еще хватит, а на оставшиеся деньги он закупит зерна. Цены на рис сейчас кусаются — больше шести юаней за ши, но если брать только грубое зерно, можно гарантировать, что в ближайшее время они не умрут с голоду.

Завтра снова на работу, а если не поест досыта, сил не хватит даже ноги передвигать...

Шел он неспешно. Дороги в столице Цзинчэн, как говорится, семь лет хорошие, семьсот лет плохие, нужно быть осторожным, чтобы не разбить миску.

Асфальтированные или бетонные дороги имелись, но только в деловых кварталах и районах для богатых. Дорога домой в маршрут Цзи Шуаньюя не входила: сплошь гравий да грунтовка, а в переулках и вовсе пыль столбом.

Он жил в большом общем дворе в Переулке Малого Барабана. Название пошло от того, что рядом находился рынок старьевщиков — торговцы, скупавшие старье, вечно ходили и били в маленькие барабаны, оповещая народ.

Добрашись до переулка, Цзи Шуаньюй не сразу пошел домой, а заглянул к Цзян Санынцзиню, чтобы отдать пакет с хворостом. Сегодня он заработал денег и не забыл, что всем обязан Цзян Санынцзиню, благодаря которому получил этот шанс.

Обычно лишних денег не водилось, но сейчас, пусть их было и немного, он непременно хотел выделить хоть десять медяков. Купил самое простое лакомство, зато от чистого сердца.

Цзян Саньцзинь был человеком отзывчивым, постоянно помогал всем подрабатывать в массовке, не беря себе никаких комиссионных. А кто не любит людей, умеющих быть благодарными? К тому же у него дома было двое детей-сладкоежек, которые схватили хворост и сияли от счастья.

Перекинувшись парой фраз, Цзи Шуаньюй наконец вернулся к себе.

...

Я вернулся. Цзи Шуаньюй открыл дверь. В темной комнате горел лишь тусклый красный огонек угольной печи. Никакой мебели, кроме печки, одного таза, ведра, нескольких предметов посуды, двух одеял да стопки старых книг.

На кирпичном кане сидели трое детей младше десяти лет. Выглядели они меньше своих лет, одеты кто в ватники с набивкой, кто в его фланелевую пижаму. Увидев Цзи Шуаньюя, они просияли.

Старший брат!

Дети прыгнули с кана встречать его. Второй брат забрал у Цзи Шуаньюя вещи — хоть он и был мал, но привык к работе, руки у него были ловкие.

Хм... Цзи Шуаньюй огляделся и озадаченно спросил: А где младшая сестренка? Она еще не вернулась, собирая угольки?

Зимой было очень холодно, но много угля они купить не могли, поэтому дети в свободное время ходили и рылись в золе у соседей, надеясь найти недогоревшие кусочки, чтобы принести домой и использовать снова.

Старший брат, я здесь.

Голос третьей сестры раздался совсем рядом, полный обиды.

Черт возьми! — Цзи Шуаньюй вздрогнул от испуга. Посмотрев вниз, он увидел, что девочка сидела на корточках прямо у его ног и клеила туфли.

Конечно, у бедняков нет денег на новые туфли, если старые прохудились, и сапожника нанять они не могут. Приходилось самим клеить их бычьим клеем и носить дальше.

Ну что за третья сестренка...

С тех пор как он сюда попал, она уже не раз успела его напугать. Девочка была смуглой, всего девять лет, очень худенькая, и у нее была природная способность оставаться незаметной, из-за чего Цзи Шуаньюю она часто казалась каким-то призраком.

Вот и сейчас — человек сидел прямо рядом, а он и не заметил!

Все-таки в комнате было слишком темно...

Скучаю по электрическим лампам.

Сейчас электричество было, но их семье оно было не по карману. Впрочем, некоторые оперные театры проводили освещение и использовали это как рекламную фишку.

Кхм, ладно, давайте есть. Я купил суп с бараниной, давайте разогреем. Цзи Шуаньюй принялся греть суп на печке. Он не был приспособлен к быту, но поскольку остальные были совсем детьми, приходилось справляться самому.

Так было последние несколько дней. Самый ужасный случай произошел, когда четвертая сестренка описалась на кане, и ему пришлось все убирать — посреди лютой зимы слезы сами навернулись на глаза.

Цзи Шуаньюй снял головной убор и развязал ленты, чтобы удобнее было работать. Пламя в печи мерцало, отражаясь в его белых волосах и, казалось, плясало у него в глазах.

Честно говоря, все четверо детей чувствовали, что старший брат, с которым они выросли, немного изменился. Посторонние не замечали, а они — почувствовали.

Но, возможно, это просто Цзи Шуаньюй из параллельной вселенной, думали они. Брат стал другим, но им и в голову не приходило, что это совсем не тот человек.

К тому же, когда каждый день не доедаешь, сил на раздумья просто нет...

Четвертая сестренка немного посмотрела на него и даже набралась храбрости сказать: У братика выросли белые волосы, стал еще красивее.

Второй брат только хотел поправить сестру, разве можно использовать такое слово по отношению к брату, как услышал, что Цзи Шуаньюй быстро ответил: ? Глупости.

Второй брат: ...

Цзи Шуаньюй вполне адекватно воспринимал свою внешность, к тому же он был родом из

современного мира с более свободными нравами, так что комплимент по поводу красоты его нисколько не смущал.

Тем временем суп с бараниной начал источать аппетитный аромат. Густой белый бульон, нежные кусочки мяса, потроха и разваренная белая редька.

Закусочная, где он брал суп, была заведением со столетней историей — баранина была приготовлена без малейшего привкуса. Посыплешь перцем, и аромат становится просто божественным.

Дети глотали слюнки. Второй брат, будучи самым старшим после Цзи Шуаньюя, размышлял чуть больше остальных. Глядя на мясо, он спросил: Старший брат, почему сегодня так много удалось заработать?

Цзи Шуаньюй подумал, что они еще маленькие, размышляют неглубоко, иначе бы решили, что он нашел способ жить за чужой счет...

Взял дополнительную подработку, — невозмутимо ответил Цзи Шуаньюй. Проверив, что суп теплый, он разлил его по мискам, разломил пшеничные пампушки, украденные у Сюй Синьюэ, смешал их со злаковыми и раздал всем, чтобы они макали их в бульон.

Пампушки по дороге замерзли, но, размокнув в горячем супе, стали мягкими. Разломив одну, Цзи Шуаньюй обнаружил, что это не обычные булочки — внутри была мелко рубленая свинина.

Вообще-то, если есть начинка, это уже называлось бы баоцзы, но такие мясные пампушки на самом деле были столичным лакомством: немного мяса внутри делало их изысканнее. Цзи Шуаньюй этого не знал и думал, что раз не тронул другие сладости, а взял только пампушки, то проявил сознательность.

— Конечно, это вовсе не значит, что Сюй Синьюэ не был мелочным!

Цзи Шуаньюй сделал глоток горячего супа, быстро съел мясо, а затем принялся за мягкие пампушки и редьку. Редька напиталась вкусом бульона и стала невероятно ароматной.

Желудок наполнился теплом, и на душе стало легче. Счастье.

Старший брат, отдаю тебе свою половинку пампушки, — второй брат хотел отдать свою порцию. Ты так устал, последние ночи я слышал, как ты разговариваешь во сне.

Ешь сам, — отказался Цзи Шуаньюй. Он, единственный ребенок в семье, еще не привык к такой братской заботе.

Второй брат: Старшему брату нужно работать, ешь сам.

Цзи Шуаньюй: Нет, я просто больше люблю мясо.

Второй брат: ...

Каждому досталось всего по несколько кусочков мяса да крошечная щепотка фарша — все съели мгновенно и остались голодными.

Однако, хоть немного вспомнили вкус мяса. Цзи Шуаньюй, вспоминая трапезу, попутно спросил: Так что я там говорил во сне?

Днем он так уставал, что спал как убитый, откуда ему знать, что он болтал.

Позавчера, когда ты убирал за четвертой сестренкой, ты почти сразу после того, как лег, начал бормотать: «Не надо маму-мужчину», — второй брат с невинным видом посмотрел на него. Что это значит, старший брат?

Цзи Шуаньюй: ...

У-у-у-у, это значит, что старшему брату очень тяжело! Брат совсем не умеет нянчиться с детьми!

Я тоже слышала, — внезапно подала голос третья сестренка.

Почему внезапно? Потому что она все время сидела рядом, но была такой темной, что сливалась с фоном, и дышала так тихо, что снова напугала Цзи Шуаньюя.

Что я говорил? — спросил второй брат, желая узнать, слышал ли он это.

Третья сестренка припомнила и сказала: Вроде бы «не надо Хулува». Старший брат, а кто такой «Хулува»? Это ребенок «мамы-мужчины»?

Цзи Шуаньюй:

...Это же ты!! Ребенок-невидимка!!

Каждый день он возвращается домой, и каждый раз его пугает эта девочка, это так утомительно.

Цзи Шуаньюй отмахнулся: Да ничего, это просто строчки из оперы. Ешьте давайте, номер шесть.

Откуда в нашей семье номер шесть??

Дети в недоумении хотели возразить, но Цзи Шуаньюй уже приказал всем есть.

Хотя сбережения снова обнулились, в ближайшие дни Цзи Шуаньюю не нужно было мотаться по всем оперным театрам столицы в поисках подработки и переживать, будет ли завтра еда. Он сосредоточился на помощи Сюй Синьюэ в переоборудовании сцены в Оперном театре Чанлэ и реализации своих дизайнерских идей.

Поскольку Ин Сяонон был эстетом, Цзи Шуаньюй мог сказать ему пару слов.

— Если уж на то пошло, у Цзи Шуаньюя раньше не было такого красноречия. Но долгая работа режиссером, необходимость доносить свои концепции до инвесторов, актеров, операторов... это очень закаляет.

Поддавшись на уговоры, вспыльчивый Ин Сяонон купил сладостей и отнес их аккомпаниаторам, чтобы задобрить их.

Что значит задобрить? Музыканты, играющие на инструментах, получают меньше, чем звезды на сцене. Но выступление — это командная работа, и если музыканты захотят насолить актеру, они могут сильно усложнить ему жизнь.

Если актеры дарили подарки музыкантам, это называлось задобрить. А тех виртуозов, что помогали с постановкой вокальных партий, актеры часто одаривали деньгами лично, стараясь угодить.

До этого у Ин Сяонона отношения с ними не ладились, поэтому пел он не очень комфортно.

Теперь, когда он сделал ответный жест, они помирились.

Цзи Шуаньюй делал это ради итогового результата. Ему очень хотелось еще немного улучшить вокальную часть, но он не мог в это лезть, от чего у него руки чесались.

Он начал подстрекать Сюй Синьюэ: Скажите, босс, может, наймете меня режиссером?

Что еще за режиссер? — озадаченно спросил Сюй Синьюэ.

Это тот, кто руководит выступлением, отвечает за все, что связано с оперой: от света и музыки

до игры актеров, руководит репетициями. Чтобы на сцене был достигнут наилучший эффект, — объяснил Цзи Шуаньюй. — В западном кино есть такая должность. У меня есть некоторые идеи по поводу сценария, думаю, после правок будет лучше.

Сюй Синьюэ видел кино, но на режиссеров внимания не обращал. Реакция у него была бурная: В театральном мире отродясь таких правил не было, чтобы устраивать репетиции на ходу? Это звучит как «пробивание котла». Тем более, ты, дилетант, хочешь учить профессионалов?

Пробиванием котла называли ситуацию, когда актер в последний момент учит роль, которую не знает. В театре ценится живое выступление, и репетиции в последнюю минуту считались позором для мастера.

Сюй Синьюэ признавал, что, судя по тому, как он договорился с Ин Сяононом, Цзи Шуаньюй кое-что понимал в театральных делах, разбирался в декорациях. Но режиссер? О чем он вообще думает?

У актеров были разучивание ролей, прогоны, наставники, которые правили игру — все это методы улучшения выступления, особенно в боевых сценах, где все должно быть выверено до миллиметра. Но это совсем не то, что вводить новую должность режиссера.

В театральном искусстве с древних времен не было никаких режиссеров: все изучали мастерство сами, музыканты — свое, актеры — свое, ученики учились у мастеров, передававших опыт из уст в уста, сами оттачивали технику пения.

Сама система режиссуры родилась на Западе.

Даже в наше время ведутся споры, нужен ли режиссер в традиционной опере, многие знаменитые актеры до сих пор не любят, когда ими кто-то командует.

Цзи Шуаньюй понимал ситуацию, просто хотел попробовать — мало ли, вдруг Сюй Синьюэ от отчаяния решится на что угодно. Не ожидая, что тот так упрется, он пробормотал: Не так-то просто его уговорить...

Сюй Синьюэ: ...

Цзи Шуаньюй сбежал, но это не значит, что он согласился со словами Сюй Синьюэ. Он лично считал, что режиссер на сцене вполне уместен.

К слову, в будущем первые театральные режиссеры в Хуася вышли как раз из среды любителей разговорных драм.

Впрочем, старшие в семье рассказывали ему старые истории: спустя десятки лет в оперной среде появились примеры адаптации традиционных постановок под руководством режиссеров,

что привело к успеху. Тогда это называли спасением целого жанра одной постановкой.

Так что, в конечном счете, оперный театр не боится режиссеров, он боится плохого режиссера, который не разбирается в тонкостях, ведь искусство здесь — дело глубокое.

Цзи Шуаньюй чувствовал, что его нынешнего авторитета недостаточно, поэтому не стал спорить.

...

Поскольку дизайн освещения требовал определенных улучшений, а знания Цзи Шуаньюя в этой области не вполне соответствовали современным технологическим возможностям, ему нужно было найти специализированную литературу.

Он планировал попытать счастья в университете или научно-исследовательском институте, но театральный рабочий, который занимался сменой декораций, очень услужливо подсказал: В школу просто так не пустят, если нет знакомых. Лучше сходите в библиотеку. Вот совпадение — недавно Книжное издательство Куньлунь открыло библиотеку, говорят, она доступна для всех слоев общества, любой может прийти почитать.

Рабочие сцены, хоть и занимались лишь сменой декораций и мелкими поручениями, часто держались очень гордо. Актерам иногда нужна помощь в использовании реквизита или трюков, и только от них зависело, удастся ли номер.

Некоторые именитые актеры даже возили с собой своих рабочих сцены, и те вели себя еще надменнее, порой даже заносчивее самих звезд.

А рабочий сцены из труппы Ханьси был так любезен с Цзи Шуаньюем, конечно, потому, что тот стал новым декоратором. По логике вещей, они были в одной команде, и Цзи Шуаньюй в одиночку бы не справился, ему обязательно понадобилась бы помощь в расстановке реквизита.

Так рабочий заодно и новым трюкам научился бы...

Как тут не быть любезным?

Цзи Шуаньюй был приятно удивлен: сейчас книги — большая редкость, он и не ожидал, что существует публичная библиотека. Мне нужно посмотреть кое-что из зарубежной литературы, там есть такие книги?

Это же Книжное издательство Куньлунь, как там может чего-то не быть? — рассмеялся рабочий. — Помимо газет и журналов, они известны переводом западных книг. Кстати, вокруг дома Чжоу всегда полно новостей.

Книжное издательство Куньлунь принадлежало знатному роду Чжоу из столицы. Старший господин Чжоу давно жил в Шанхае, управлял делами с иностранцами, а его шестеро детей тоже вели свои дела, разбросанные по всему северу и югу.

Семья Чжоу первой ввела новые порядки, провозгласив равенство мужчин и женщин, поэтому дочери в семье имели право на собственное состояние.

Издательство изначально было основано на семейные деньги, им управляла третья дочь, госпожа Чжоу, и сейчас оно стало опорой издательского дела в Хуася, одним из трех крупнейших.

К сожалению, третья госпожа рано скончалась, издательство перешло ко второй ветви семьи, и лишь несколько лет назад его потребовал назад единственный сын третьей госпожи — Чжоу Сыинь.

Издательство специализировалось на переводах западной литературы, социологии и новой литературе. Их журналы были весьма знамениты, но это была заслуга третьей госпожи, а вторая ветвь за долгие годы не добилась никаких успехов.

Зато когда за дело взялся молодой Чжоу Сыинь, он придумал множество способов продвижения книг, а также щедро открыл доступ к семейным фондам для публики, что вызвало восхищение. Более того, он сделал себе имя в Министерстве просвещения и отобрал у конкурентов из издательства Хуашань право на публикацию учебников, значительно расширив свое дело.

Их генеральный директор — человек крайне строптивый и вспыльчивый. Когда он только отвоевал издательство, он поссорился со старшими из второй ветви и прямо на первой полосе газеты три дня кряду ругал того самого старейшину...

Такой бунтарь? Разве в старину не чтили старших? — спросил Цзи Шуаньюй. — Его наказали?

Рабочий сухо рассмеялся: Нет. Потому что ругался он очень остро, газета разошлась огромным тиражом и побила рекорды продаж. А Старший господин Чжоу даже прислал из Шанхая похвалу.

Цзи Шуаньюй: ...

Цзи Шуаньюй: Постойте, а вы-то откуда знаете? Словно под кроватью у них сидели. Звучит не очень правдоподобно, если все так, то эта семейка просто монстры какие-то.

Рабочий: Так это сам Чжоу Сыинь опубликовал в газете как «радостную новость»...

Цзи Шуаньюй: ...

Ладно, что и говорить, эпоха безумия.

<http://bllate.org/book/26298/3149727>